

Игорю было не занимать кругозора, но доставало хватки, чувства момента, скорости реакции, и все это намекало на слабость. Порой Анна думала, что скоро, возможно, даже начнет презирать его за этот намек. Но пока выдерживала свои чувства за дверью, которую откроет в подходящий момент, когда произойдет что-то необратимое. Что именно, она сама не могла объяснить.

Однажды, в выпускном классе, Аня гуляла по парку с парнем, в которого была тогда влюблена. Вдруг на пустую аллею выскочила большая страшная собака и с лаем бросилась на них. Анин кавалер отреагировал мгновенно, прикрыл ее собой, собака ркнула пару раз и скрылась за деревьями. Но испуг, который читался в тот момент в его глазах, так неприятно поразил ее, что она не стала с ним больше встречаться.

Когда Аня рассказала эту историю Игорю, он не мог понять, чем она оказалась недовольна.

– Так тот парень же за тебя испугался, – удивлялся он.

А Анна не могла объяснить, почему неумение «держать лицо» имеет для нее такое значение.

Игорь кивнул в сторону двух мужчин, одному на вид около тридцати, другому немного за пятьдесят. У обоих аккуратные, средней длины бороды, только старший был похож то ли на цыгана, то ли на еврея с кучерявыми наполовину седыми волосами, бровями вразлет и бордовым шейным платком, а у младшего была эталонная русская внешность, встречающаяся на дореволюционных фотографиях. Близко посаженные серо-голубые глаза, темно-русые волосы, прямой, определяющий лицо нос, только большая выпуклая родинка на лбу, похожая на присевшую муху, нарушала благородный былинный образ. На столе перед ними стояла бутылка самого дорогого коньяка, жульены и розетка с икрой.

– А, постой, я их знаю! – вдруг вспомнил Игорь. – Это Олег Бойко и Ян Маркович. Мы мельком пересекались у Вольского в прошлом году. Ян – искусствовед, Вольский рассказывал, что он картину Филонова недавно продал то ли в Голландию, то ли в Бельгию. Как-то через Эстонию ее переправил, авантюрная история, но я забыл подробности.

– Ты, как всегда, самое интересное забываешь, а второй?

– Второй – это его помощник. Они давно вместе работают, выставку вот провели запрещенных художников в одной провинциальной усадьбе, ты слышала же о ней? Так это они все организовали. Сначала шло хорошо, местные их прикрывали, а потом областное начальство со скандалом

выставку ликвидировало, но часть произведений была неподучетной, и, видимо, Бойко с Марковичем смогли их спрятать. За них теперь, разумеется, плотно взялись, но они, видишь, держатся, марку не роняют. Вообще, конечно, времена наступили вегетарианские.

Мужчины заметили, что на них смотрят, узнали Игоря и приветственно замахали, подзывая к себе.

– Давай подойдем к ним, – сказал он.

Анна достала из сумки зеркальце, поправила длинные золотисто-рыжие волосы так, что несколько прядей из пучка выпали на плечи, довольно улыбнулась и пошла за мужем.

– Мне рассказывали о том, какую интересную вы написали диссертацию, но умолчали, что вы женаты на самой красивой девушке Москвы! Мечта прерафаэлитов, – сказал Ян Маркович.

Голос у него был глубокий и приятный, как бордовый цвет его шейного платка. Кудри с проседью легли на выпуклый большой лоб, и он нарочно не убирал их, а иногда потряхивал так, что они спиральями катались по лбу. Маркович долго, не стесняясь, рассматривал Анну, как обычно разглядывают красивую картину.

«Голубой, наверное», – решила она.

Олег же, наоборот, смотрел украдкой, и от его взгляда у Анны по спине пробежали мурашки. При знакомстве он протянул ей руку и задержал Аннину ладонь в своей чуть дольше приличного. Она с опаской посмотрела на Игоря, но он уже увлеченно расспрашивал Марковича о его планах по поводу новой выставки.

– Я думаю, через год все точно удастся организовать. Мы сейчас стараемся вести себя тихо, живем в Ленинграде, точнее, в Пушкине, иногда по делам навещаемся в Москву, – рассказывал он чуть захмелевшим голосом. – У нас с Олежкой традиция, приезжаем на Ленинградский вокзал, берем такси и едем сразу в Сандуны мыться.

– А в Сандунах правда банщики посетителей до сих пор называют «ваше превосходительство»? – зачем-то спросил Игорь, и Анне стало за него стыдно.

– Ну, кого-то, может, и называют, а старого еврея и молодого русского афериста молча бьют по жопе веником. Простите, Анечка. Так вот, мы моемся, паримся, смываем с себя дорожную пыль, выходим на свежий воздух, снова берем такси и едем в «Прагу», обедать. А потом уже за работу можно браться.

– Официант, принесите два фужера для наших друзей и бутылку шампанского! – попросил Олег,

Она держала в руках самиздатовского Гумилева и вчитывалась в любимые стихи, прежде чем от них избавиться.

*Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела,*

– монотонно произносила Анна и раскачивалась из стороны в сторону.

Глядя на нее, Вера подумала, не стоит ли вызвать неотложку. Она пришла помогать подруге собирать вещи, ведь из семейной комнаты теперь нужно было выезжать.

– «Шатуны», Юрий Мамлеев, – прочла Вера на стопке листов, вручную сшитых белыми нитками.

– Ой, это надо спрятать, спрячь ты, умоляю! И там фотография внутри, не потеряй! – взмолилась Аня.

– Ты что, Ань, я боюсь! – ответила Вера.

Аня тихо заплакала.

– Передай это матери Игоря, она завтра придет, ну прошу тебя. – Аня сильнее зарыдала.

– Ладно, ладно, ты чего, не реви. Раньше бы тебя из университета выгнали, а теперь не тронут, у нас уже, считай, гласность, – приговаривала она успокаивающим тоном, пока складывала в коробки вещи.

– Ты сейчас так наклоняешься за вещами в этой своей цветастой юбке, с широкими лодыжками, что мне кажется, ты деревенская баба, которая на речке полощет белье, – всхлинула Аня.

Вера обиженно посмотрела на нее, но Анна снова начала качаться из стороны в сторону и басить:

*Я – упрямый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.*

Аня читала наизусть, и Вера хотела было забрать листы, но побоялась трогать.

*Сердце будто пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны,*

– продолжала она.

Глаза блестели, рыжие волосы растрепались. «Точно рехнулась, – подумала Вера. – Еще бы, горе-то какое, мужа в тюрьгу упекли».

Как только Вера закончила собирать вещи, составила коробки одна на другую возле двери и даже сняла пыльные занавески, лицо Ани чудесным образом прояснилось, она перестала читать стихи

и сама попросила убрать их в коробку для матери Игоря.

– Вер, я ее точно не буду передавать, ты же понимаешь, что за мной слежка. А на тебе нет ни тени антисоветчины, так что надо донести коробку до остановки, эта стерва будет там в шесть, – попросила Аня.

– Да ты что, если за тобой слежка, то и за матерью его тоже, – возразила Вера.

– Да кому эта старая кляча нужна, нет за ней никакой слежки и отродясь не было! Да и за Игорем не было, попал просто под раздачу со своим этим ксероком. – Анна оперлась спиной о стену и начала пересчитывать коробки, нарочито показывая на каждую из них пальцем.

– Раз, два, три, раз, два, три, раз, два, три, – повторяла она и медленно сползала вниз.

– Отнесу, Ань, конечно, ну что ты, конечно, отнесу. А ты пока ребят позови, вещи перетаскать-то надо, – сказала перепуганная Вера.

– Поможешь потом разобрать? А то у нас всегда Игорь таким занимался, – всхлинула Анна.

– Ну о чем речь, разумеется, помогу.

– Только я сегодня поздно буду, можно завтра тогда. А куда ты платье мое с розами убрала?

6.

Игорь писал Ане из лагеря длинные письма. Развод он предложил на первом же свидании, но она категорически отказалась и попросила никогда даже намека на это больше не делать.

«Я умудрился запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда под названием “советская тоталитарная система”. Раньше бы до десяти лет получил, а сейчас только три. Значит, недолго этой власти осталось. Я бы дал лет десять, не больше. А потом будет свобода, новая жизнь, новая страна... Не буду развивать эту мысль, а то цензура письмо завернет.

Мальвина, кстати, к моему аресту отношения не имеет. За ней следил (несколько строчек письма было зачеркнуто толстым слоем чернил, отличавшихся от тех, которыми писал Игорь).

Только, Анечка, девочка моя, заклинаю тебя, никому не говори, что меня взяли за копированием нетленного труда Рамачарака “Хатха-йога”. Лучше бы уж с “Доктором Живаго” попался, ей-богу. Для нас же эта йога только повод собраться. Да и книга дурацкая совсем, профанный новодел, бред сектантский. Эх, ладно, в конце концов, я там много полезного накопировал, а с Рамачараком бес попутал.

Что-то вспомнил я нашу Машу... понимаешь, о ком я. Расскажи, как у тебя дела, хватает ли денег? Если нет, займи у моей матери, я выйду, быстро на ноги встанем, верну. Как у Вольских дела, что говорят, чем живут? Как на кафедре, как в институте? До меня дошли слухи, что у Александра Александровича вышел роман. Ты, конечно, его не читала, и я тебе не советую, но отзывы о нем мне, пожалуйста, пришли.

Мордовия, ИТК-3, 1977».

«Ну вот, еще на месяц ближе стала наша встреча, а расставание перевалило через экватор. Очень люблю тебя, Игорь, и жду. У мамы твоей я деньги брать не буду, да и общаться с ней нет желания. Захотела бы, сама бы предложила. Даже моя мать, которая, как тебе известно, последняя скотина, проявила некоторое сострадание. Впрочем, это она от радости, что у меня так все плохо. Ну да ладно, не будем об этом, есть только ты, я и наш будущий сын. Я уверена, что у нас с тобой будет сын, у всех женщин в моей семье слишком сложная судьба. Мы назовем его Святослав. Вот вернешься, жизнь наладим и заведем Светика.

Про книгу пока ничего сказать толком не могу, ее только издали в Швейцарии. Нет, все же напишу, не могу удержаться. Когда книгу показали Мамардашвили, он сказал «Сашу надо отшлепать». Вот, знаю, что ты заинтригован, но больше ни слова. И это-то наверняка замажет цензура.

Помнишь Олега Бойко и Яна Марковича, которых мы встретили в «Праге»? Они тоже успели в этот поезд, который ты назвал «советская тоталитарная держава», в соседний с тобой вагон. Вы не пересекались в лагере? Кажется, их год держали в Лефортово и этапировали не так давно. Доказать ничего не смогли. Им вменили только подделку документов, причем за просроченные членские билеты Союза художников, представляешь? Им дали всего три года, точнее, Олегу даже меньше трех.

Я обнимаю тебя, считаю дни. Ты знаешь, в воздухе, действительно, пахнет переменами и надеждой на свободу, мы будем очень счастливы, когда ты вернешься.

Москва, 1977».

«Расскажи, пожалуйста, ходишь ли ты в тот магазин на углу, возле общежития? Какой цвет волос у продавщицы, она же каждый месяц перекрашивалась? Не подхватила ли ты простуду? У нас тут все болеют, у Юрки двустороннее воспаление легких, скорее всего, он не доживет до весны. Я не жалу-

юсь, другим хуже, но иногда мне кажется, что я тут навсегда. У Арнольда от ангины пропал голос, и мы живем в такой непривычной тишине.

Я пробовал чифирь, ты знаешь, ничего особенного. У нас тут чай – это валюта, как и сигареты. Чифирь варил эзк, они тут изредка попадаются, специально проникают на политическую зону, это очень интересная тема, потом расскажу.

Напиши, пожалуйста, у вас уже пришла весна? У нас же с тобой совсем разный климат, тут вовсю метут метели, а у вас, наверное, уже почки распускаются. Тебе может показаться странным, что я говорю о погоде, но, ты понимаешь, мне это очень важно. Запоминать и воссоздавать пейзажи, я так убеждаюсь в факте собственного существования, твоего существования, нашего.

«...несколько строчек зачеркнуто, текст не разобрать...»

Знаешь, когда Лорка ждал расстрела, он посмотрел на шеренгу выстроившихся с ружьями солдат, готовых вот-вот пустить в него онемевшие пули, и увидел поднимающийся солнечный диск. И он сказал: «Все-таки солнце восходит!» А я скажу: все-таки по дороге от метро до института бежит грязный ручей, продавщица все-таки перекрашивает волосы, все-таки ты ждешь меня. Я давал тебе читать Лорку? Обязательно почитай, он, слава богу, есть во всех библиотеках.

Надо же, расстрел, рассвет, как похожи эти слова, я раньше и не замечал.

Мордовия, ИТК-3, 1978».

Света взяла пачку писем и сложила их в аккумуляторную стопку. Завтра нужно было рано вставать и ехать на репортаж, а она знала, что легко может увязнуть в архиве отца на всю ночь. На часах было полвторого, и она поставила второй будильник на телефоне, на пять минут позже первого, чтобы наверняка не проспать. «Ехать же еще к черту на рога», – с досадой подумала она.

Из пачки выпала пара листов. Света подняла их и не удержалась от того, чтобы заглянуть. Судя по дате, мать писала одно из писем отцу незадолго до его освобождения. На обороте листа сверху что-то было густо перечеркнуто. Но даже сквозь слой чернил можно было увидеть следы предыдущих букв, оставленные острой перьевой ручкой. Там почерком матери было написано: «Здравствуй, Олег».

«Интересно, видел ли это отец, – подумала Света. – Скорее всего, не видел, хотя даже если бы и посмотрел, ему бы в голову не пришло заподозрить в чем-то мать. А вот она наверняка сделала

это специально. Хотя мог ли он не замечать, что у них с Олегом сразу появилась чувства? Или он делал вид, что не замечает. Или не хотел верить в плохое».

Свете показалось, что, возможно, Анна хотела, чтобы Игорь прочел это. Конечно, она отправила ему письмо именно на том листе не случайно. Он бы все понял, сказал «ну и убирайся к Олегу», а может быть, сам просто молча бросил ее, и не было бы Светиною рождения и еще нескольких лет, которые они прожили вместе.

Света положила письма обратно в коробку, а коробку убрала в сервант. Именно там она нашла их, кода после смерти отца окончательно переехала в его квартиру. Сервант был одним из немногих мест, которые Света решила разобрать, да и то, скорее, из любопытства. Когда выяснилось, что отец позаботился о документах и завешание вот-вот вступит в силу, она ждала переезда от матери как спасения, но, оказавшись одна, не знала, что делать с этой свободой, и просто сидела в зале ожидания между двумя разными отрезками жизни. Сняла с окон старые, почти истлевшие шторы, но новые так и не повесила. Поскольку квартира была на первом этаже, вечером она включала только маленькую настольную лампу в отцовском кабинете, свет от нее едва достигал кухни-столовой, в которой она обычно сидела перед сном. Когда кто-то приходил в гости, Света врала, что не трогает ничего специально, потому что договорилась с бригадой о ремонте и они скоро начнут работу, но на самом деле ни с кем не договаривалась.

Света прикрыла дверь в отцовский кабинет и забралась на подоконник. За окном ссорилась молодая пара. Но это была добрая, смешная ссора. Благодаря жизни на первом этаже Света могла наблюдать за людьми на улице, а они ее, как правило, не замечали. Из-за близости зоопарка под окнами у нее часто проходили семьи, в основном в них было по одному или два ребенка, но бывали и с тремя, четверьмя, а однажды она видела целый выводок детей. Многодетные родители действовали слаженно, как два солдата, которые собираются в наступление. Один открывает дверь машины, другой быстро подхватывает детей и усаживает младших по коляскам, первый берет старших за руки, нет времени спорить, оглядеться по сторонам, нельзя останавливать движение. Света смотрела на эти семьи и пыталась угадать, кто из них счастлив. Таких, как ей казалось, попадалось немного.

На этот раз родители мальчика лет четырех и девочки тринадцати не могли отыскать, где оста-

вили машину. Отец раздраженно читал названия на карте, мать взволнованно озиралась, дочка хохотала, а мальчик, равнодушный к семейной неурядице, тыкал палкой в лужу. Света улыбнулась.

Совсем стемнело, со стороны зоопарка донесся гулкий протяжный вой, судя по всему, волка не стали загонять в ночной вольер, а разрешили на время остаться в клетке, и теперь он смотрит на луну, единственную часть вольного мира, которая не отгорожена от него ни толстым стеклом, ни прутьями, между ним и луной не стоит ни одной преграды, и он может спокойно общаться с тем, кто воет ему с нее в ответ.

«Говорят, ни на какую луну они не смотрят, а просто поднимают морду вверх, чтобы лучше разносился звук, – вспомнила Света. – Хотя кто может знать наверняка».

Однажды она видела волка вблизи, его приводили в редакцию ко Дню зверей-киноактеров. Еще привели огромного умного попугая и смешную толстозадую ламу, но волк был интереснее всех. Он пах гораздо резче, чем собака, несравнимо сильнее. Волчий запах в итоге заполнил собой несколько этажей. Волк давал себя гладить и даже лизнул Свете руку, издав его можно было принять за собаку, но вблизи было видно, что это совершенно другой зверь, подчинившийся обстоятельствам, но не сломленный, он принимает правила игры, но не служит и в любой момент может откусить руку, протягивающую ему кусок еды, но не делает этого только потому, что не хочет.

Вой резко оборвался, видимо, волка все же увели в вольер, чтобы не мешал спать местным жителям.

